

Тринадцатое число второго месяца по лунному календарю — день, благоприятный для начала строительства, жертвоприношений, свадеб и приёма зятя в дом.

На восточной окраине деревни Селю у города Лянси с полудня началось настоящее оживление. В доме семьи Вэнь, где главой считался гер — Вэнь Ецай, обычно жили только он сам и двое младших — брат и сестра, и в иные дни там стояла тишина да пустота. Но сегодня — людская волна, шум, говор.

Собранные по всей деревне столы и скамейки были расставлены рядами — получилось больше десятка. Сельчане, пришедшие на свадебное угощение, расселись задолго до начала и с увлечением обсуждали эту необычную свадьбу.

Деревня Селю — одна из крупнейших в округе, народ в ней живёт густо, а потому и весёлых событий за год бывает немало. Свадьба мужчины или замужество девушки или гера — дело обыкновенное. Но вот чтобы гер брал себе в дом зятя — такое бывало нечасто.

Тем более в этот раз речь шла о Вэнь Ецае — том самом, кого в деревне давно прозвали перестарком, знаменитом своей неспособностью выйти замуж.

Вот уж и восемнадцать миновало, а всё никак не мог найти себе пару. А ведь телосложением — широкоплечий, крупный, но при этом лицо, да и характер — ну совсем непрезентабельные. Родители умерли, а на руках — младшие брат и сестра, которых надо кормить и одевать. Да он ещё и носом крутит, выбирает, глаз у него слишком уж взыскательный.

Односельчане давно сделали его постоянной темой для пересудов. Завидев его, не упускали случая язвительно поддеть, словца ради или просто от скуки.

Однако одно отрицать было нельзя — Вэнь Ецай умел зарабатывать. Хоть и гер, но перенял охотничье ремесло у старшего Вэня — и в месяц приносил домой не один лян серебра. Даже у его собак, бывало, мясо в миске появлялось чаще, чем у некоторых людей на столе, про семью и говорить нечего.

Так что как бы ни смотрели свысока на этого перестарка, на свадебный пир всё равно сбегались первыми — быстрее всех и без колебаний. Причина проста — вон в тех больших чашках, что уже стоят на столах, добрая половина блюд с мясом!

В это время Вэнь Ецай стоял в кухонной пристройке и переворачивал в огромном чугунном котле тушёные куски дикой курицы. Бросив взгляд на оставшийся соус, он снова прикрыл котёл крышкой — при таком огне надо потомить ещё немного, и можно будет подавать.

Это было последнее основное мясное блюдо сегодняшнего пира. Остальные блюда — овощные, и их нужно было готовить перед самой подачей, чтобы сохранить свежесть. Там уже обойдутся без него — кухарки, пришедшие помогать, справятся сами.

Вэнь Ецай на мгновение оторвался от дел, поднял руку и тыльной стороной запястья смахнул пот со лба. Но и в мыслях не было жаловаться — напротив, весь он светился от радости, и в глазах, и в уголках губ, и даже в бровях плясало веселье.

На кухне рядом с ним, нарезая овощи, соседка из семьи Сюй, тётушка, которую он пригласил помочь, с улыбкой заметила:

— Первый раз вижу, чтобы Цай-гер так радовался, — и, качнув головой, с мягкой усмешкой добавила: — В самом деле, в добрый день и лицо свежеет, и дух бодрееет.

— Ещё бы! — откликнулась Лю-данянь*, как раз раскладывая одну из закусок по чашкам. — Слушайте, а ведь время уже почти пришло, разве сваха не должна вот-вот привезти жениха? Я вот прямо не могу дождаться, когда увижу того молодца — говорят, будто и правда как с картинки! Как же его звали-то... Юй... Юй что-то... Вроде бы «Юй Чжи»? Ну и имя — чисто книжное, язык сломаешь!

(ПП: Лю-данянь - не ее имя, это означает «старшая невестка из семьи Лю»)

Тётушка Сюй, слегка насмешливо цокнув языком, ответила:

— Человека зовут Юй Шанчжи! Ну ты, баба, и бесстыжая — жених-то чужой, тебе-то какая разница, как его звать?

Только она договорила, как в кухню заглянул гер из семьи Ху — он снаружи мыл посуду, но успел подслушать последние слова и тут же подключился к разговору:

— Цай-гер прямо счастье вытащил! Такой образованный, грамотный муж в дом идёт! Намного лучше, чем мой, тот только силой махать и умеет, совсем как пень деревянный!

Вся кухня наполнилась хохотом и разговорами. Даже Вэнь Ецай, который всегда вёл себя просто и свободно, теперь смутился до ушей — лицо и без того смуглое, а тут покраснело до самой шеи.

И как назло, в этот момент из-за дверей кухни высунулась голова его младшей сестры, Вэнь-эрню*.

(ПП: переводится как «вторая девочка Вэнь»)

— Брат! — закричала она. — Гоудань* прибежал, сказал, что на въезде в деревню показалась повозка! Едет воловья телега, а в ней тетка — вся в красном и зелёном, на голове здоровенный цветок! Точно, это сваха с женихом!

(ПП: Гоудань - «собачье яйцо» - кличка, которую давали детям, чтобы не сглазили)

И в тот же миг, стоило пронестись слуху, что жених вот-вот приедет, деревенские зеваки во дворе тут же ринулись вперёд, обогнав даже самого виновника торжества. А вот новоиспечённый супруг почему-то замешкался. Он положил нож, несколько раз вытер руки о фартук, но всё никак не мог переступить порог кухни.

В конце концов, тётушка Сюй с одной стороны, Лю-данян с другой — и вот уже Вэнь Ецай, подхваченный под руки, выходит во двор, а обе женщины наперебой подбадривают:

— Цай-гер, сегодня ты жениха в дом ведёшь, держись с достоинством!

— Верно! Надо, чтобы все знали — хозяином тут всё равно остаёшься ты!

А гер из семьи Ху, хохоча, поддакнул:

— Давай-давай, быстро в дом — переоденься в новую одежду, причешись как следует!

После смерти родителей Вэнь Ецай, несмотря на то, что был гером, встал во главе семьи — и с самого начала считал себя ничуть не хуже любого мужчины.

И вот эти три простые фразы как раз попали ему прямо в сердце.

Да, именно так — сегодня день, когда он, Вэнь Ецай, официально принимает мужа-чжусюя в дом. И он хочет, чтобы вся деревня, что годами посмеивалась над ним за глаза, своими глазами увидела: даже такой перестарок, как он, с простоватой внешностью и трудной судьбой, способен взять зятя, и, более того — способен устроить свою жизнь куда лучше других.

Подумав об этом, Вэнь Ецай расправил плечи, вымыл руки дочиста и зашёл в дом переодеться.

Когда он вышел обратно, казалось, будто это уже был совсем другой человек. На нём была новая одежда из мягкой хлопчатобумажной ткани. Длинные волосы он аккуратно разделил на две части, верхнюю собрал в высокий хвост, перевязанный алой лентой — и тот мягко качался за его спиной при каждом шаге.

Под внешним уголком глаза у него была красноватая родинка в форме слезинки. В обычных случаях такая метка у геров считалась украшением, придающим особую притягательность. Но беда в том, что черты лица у Вэнь Ецай были открытые, смелые, с мужской статью, а ростом он был выше семи чи — под метр восемьдесят. Все эти годы он, как и мужчины, работал на земле, ходил в горы, ветры и солнце закалили его кожу и осанку. Он сильно отличался от тех геров, что бывают изящны, светлокожи, с мягкими манерами.

В итоге эта родинка на его лице смотрелась вовсе не соблазнительно, а скорее не к месту, будто чужая. В деревне и вовсе говорили, что у него душа мужчины, случайно вселившаяся в тело гера. Но Вэнь Ецай никогда не заботился о том, что скажут другие. Он встряхнул собранными в хвост волосами и, бодро здороваясь с гостями, в приподнятом настроении направился к воротам.

Скоро наступал час, выбранный для сватовства, и Вэнь Ецай знал — пора готовиться к встрече своего вот-вот вступающего в дом мужа.

Только он вышел за ворота, как тут же услышал весёлые крики и смех детей, перемешанные со скрипом колёс — к дому подкатил воз. Он ловко вскочил на большой камень у калитки, достал из заранее приготовленного мешочка с деньгами пригоршню свадебных монет и высоко подбросил их в воздух.

— Ловите свадебные деньги!

И стар, и млад — все рванулись вперёд, перемешались в одну толпу. Да ещё бы — такие монеты просто так раздают, пусть хоть по одной — всё впрок!

Монеты, рассыпанные в воздухе, падали веером, словно цветы, рассыпаемые небесной девой. В этот самый момент к толпе плавно подъехала воловьёв повозка с навесом, оказавшись в поле зрения собравшихся. На возу сидел возница — крепкий мужик, а рядом с ним восседала разряженная, вся в ярких цветах баба — сваха.

Стоило ей появиться, как в толпе начали перешёптываться:

— Цай-гер и впрямь щедрый! Смотри, сколько монет раздал! Да он, говорят, ещё и повозку нанял, чтоб жениха привезти...

— Да-да, я тоже слышала — будто бы только на свадебный выкуп он отдал целых двадцать лян серебра!

— Двадцать?! Да кто ж так делает? Уж на обычную свадьбу столько не тратят, а он — перестарок, да ещё и так размахнулся. По мне, так это просто хочет показаться важным, за чужой счёт, считай, лицо себе делает!

— Эй, потише! А то услышит тебя этот лихой гер — ещё собак спустит и со двора выгонит! Потом и за столом места не окажется!

...

Все эти разговоры тонули в общем гуле толпы — сам Вэнь Ецай ничего из этого и не слышал. Он, затаив дыхание, не отрываясь, глядел на приближающуюся повозку, сердце у него билось с

нетерпеливым трепетом.

Однако чем ближе подъезжала повозка, тем сильнее Вэнь Ецай чувствовал — что-то здесь не так. Ведь, по сути, сваха — даже безо всякой свадьбы — всегда ходит с натянутой улыбкой. Это уж у них в крови: при встрече — три улыбки, хоть кого увидит. Но сегодня та, что сидела в повозке, была смертельно бледна, лицо затянато тревогой, и весь вид её говорил о беде. Совсем не похоже на радостное прибытие. Да и возница выглядел так, будто на похороны вёз, а не на свадьбу: серьёзный, мрачный, взгляд тяжёлый.

У Вэнь Ецай, как у человека, привыкшего жить охотой и доверять чутью, тревога поднялась мгновенно, будто внутри что-то холодом кольнуло. И предчувствие не обмануло — беда не заставила себя ждать.

Как только повозка остановилась, возница первым делом спрыгнул с воза и, даже не глянув в сторону сидящего сзади, отшатнулся с отвращением, словно хотел быть как можно дальше от всего происходящего. А сваха, увенчанная пышным красным цветком, напротив — точно испуганная пёстрая моль, запнувшись, вылетела вперёд и, спотыкаясь, добежала до Вэнь Ецай. В следующую секунду её ноги подкосились — и она, не стесняясь, бухнулась на колени прямо перед ним.

Прежде чем кто-либо успел опомниться, она уже разразилась отчаянным воплем, голос её срывался в крике, и каждое слово звучало как гром среди ясного неба:

— Цай-гер! Это я, старая Хуа, виновата перед тобой! Всё из-за этого недолговечного, несчастного с фамилией Юй! У него... у него судьба такая — с тобой не быть, он... он...

Но так и не договорив, она лишь продолжала всхлипывать, стенать, катать глазами, будто язык у неё отняло. Имя произнесла — Юй Шанчжи, а вот что с ним, так и не объяснила.

Улыбка сползла с лица Вэнь Ецай, глаза потемнели, он резко повернулся к повозке, лицо стало каменным.

Порывом ветра приподняло занавеску — и под ней можно было разглядеть силуэт: человек, сидящий внутри, безжизненно завалился набок, не шевелился вовсе.

Схватив сваху за локоть, Вэнь Ецай рывком поставил её на ноги, голос его прозвучал как выстрел:

— Сваха, говори по-человечески! Что с Юй Шанчжи?!

Старая сваха продолжала лишь беспомощно вытирать глаза платком, всё мямлила, пряча взгляд, но так ничего и не сказала. Увидев это, Вэнь Ецай окончательно потерял терпение. Он резко оттолкнул её в сторону и, широким, решительным шагом направился к повозке.

Подойдя, он ухватился за край и, опираясь на каркас, одним ловким движением взобрался внутрь. Протянув руку, с рывком откинул занавеску. Под ясным дневным светом всё, что было в повозке, открылось взгляду мгновенно — и это зрелище заставило толпу ахнуть.

— Мёртвый! Там мёртвый!

Кто-то из любопытных, не стесняясь, завопил во весь голос. Услышав это, люди, стоявшие дальше, взволновались ещё сильнее, и от повозки начали поспешно отступать.

— Да где же такое видано, чтоб жених умер по дороге на свадьбу?! Это же страшная примета! Уходим, уходим отсюда, пока беда не пристала!

Толпа, ещё мгновение назад шумная и весёлая, мгновенно рассыпалась, будто порывом ветра развеяло. Остались лишь самые любопытные и безбашенные — они кучковались под большим деревом у ворот, зябко кутаясь и переглядываясь, но всё же не уходили, вытягивая шеи, чтобы разглядеть, что там произошло.

Если даже случайные зеваки отреагировали так бурно, то Вэнь Ецай, оказавшийся ближе всех, разумеется, сразу понял — случилось нечто действительно страшное.

Внутри повозки лежал молодой мужчина — лицо его отливало синевой, губы были бледны, глаза плотно сомкнуты. В уголке рта запеклась тонкая струйка крови, а на груди, на подоле одежды тёмными пятнами проступило засохшее кровавое пятно. При любом взгляде было ясно: он уже давно не дышит.

Пальцы Вэнь Ецай задрожали. Он сделал несколько глубоких вдохов, заставляя себя успокоиться, прежде чем медленно повернулся к всё ещё в ужасе глядящей на него свахе.

— Сваха Хуа, что здесь происходит?! — его голос звенел от сдерживаемого напряжения.

Старая сваха, почти упав на землю, с покаянным выражением на лице причитала:

— Да откуда ж мне знать, милоч! Сначала ведь всё было в порядке — когда садился в повозку, и виду не подал, что с ним плохо. А потом, где-то на полпути, как закричит, что живот болит! Я-то подумала, ну, живот схватило, мало ли — может, чем-то отравился, но время поджимает, думала: дотянем, вот и сказала возчику, чтобы поднажал. Мол, пусть пока потерпит, на месте разберёмся... Кто ж знал... кто ж знал, что через полчаса в повозке и звука не стало... Заглядываю — а он уже и не дышит!

Как бы она ни оправдывалась, факт оставался фактом: человек был мёртв.

Вэнь Ецай стоял, ошеломлённый, не зная, что делать. Ещё совсем недавно он с затаённой надеждой и волнением ждал своего нового мужа... и вот, не успел глазом моргнуть, как из

свадьбы получились похороны.

И тут в молчание вдруг вмешался возчик.

— Эй! — сказал он, глядя, как все растеряны. — А кто платить будет за дорогу? И вообще, с мертвецом в повозке — дурной знак! Может, я его назад отвезу, а? Только он мне весь навес запачкал кровью, так что за новый навес тоже платите. Много не прошу — всего пять лян серебра!

Пять лян! Это была настоящая грабёжная цена — откровенный шантаж.

До этого молчавшая от ужаса Вэнь-эрню, младшая сестра, вмиг вскинулась:

— Да ты просто нажиться решил! Пока у людей беда, ты вон как вцепился! Это уже не помощь, а чистый грабёж!

Возчик скрестил руки на груди и, увидев, что с ним спорит всего лишь девчонка, лишь хмыкнул с насмешкой:

— А что, если и правда нажиться решил? Не нравится — пусть этот мертвец и дальше валяется у вас у ворот!

— Да ты... — взвизгнула Вэнь-эрню, с детства славившаяся острым языком и бойким нравом, — но не успела договорить, как Вэнь Ецай прервал её строгим голосом.

Человек умер в повозке — это дурная примета. Если об этом разнесётся слух, больше никто и близко к этой телеге не подойдёт, возчику тогда и правда крышка. Так что, строго говоря, за его резкий тон винить его не стоило. Недовольная Вэнь-эрню всё же прикусила язык, но глянула на возчика так зло, что если бы взглядом можно было колоть — тот бы уже не встал.

К этому времени немного опомнились и соседки — тётушка Сюй, Лю-данян и гер из семьи Ху. Успокоив заодно и Вэнь-эрню, они, неся в себе столько же тревоги, сколько и практичности, решились подойти и заговорить:

— Цай-гер, как бы грубо он ни говорил, но в его словах есть резон. Этот лекарь ведь даже не успел переступить порог вашего дома — вы не обязаны дальше с этим связываться.

— Вот именно, — подхватила Лю-данян. — Пусть уж возчик с этой свахой его и увезут. Откуда приехал — туда и вернётся.

— Мы ведь все здесь были, все видели, — добавил гер из семьи Ху. — Он ещё по дороге умер, ещё до свадьбы. А вы со своей стороны всё сделали, как полагается — ни в чём не провинились.

Старая сваха, что до этого только и делала, что вытирала слёзы да срывала голос, вдруг как-то уж слишком ловко вскочила на ноги. Пока остальные её не видели, в глазах у неё мелькнул расчётливый блеск. И тут же она заголосила:

— Да-да, правильно, Цай-гер, ты не волнуйся, всё уладим! Доверься мне, Хуа-по, я всё улажу. А потом я обязательно найду тебе новую, хорошую пару! Обещаю, до того как тебе стукнет девятнадцать — успеем сыграть ещё одну свадьбу, и на этот раз — счастливо!

Инстинкт подсказал Вэнь Ецаю — в поведении старой свахи что-то не так. Но на фоне внезапного потрясения в голове у него царил полный хаос, и он попросту не успел как следует об этом подумать.

Стоило ему на миг отвлечься, как Хуа-по и возчик уже полезли в повозку, пытаясь вытолкнуть его наружу. Вэнь Ецай, действуя почти на рефлексах, обернулся, желая ещё раз взглянуть на тело в карете. И в этот самый момент — увидел, как у лежащего "мертвеца" едва заметно шевельнулся палец.

— Стойте!

Глаза Вэнь Ецай широко распахнулись. Он резко стряхнул руку свахи, пытавшуюся его утащить, и одним рывком ворвался в карету.

Прошло всего несколько мгновений — и вот уже "мертвец", Юй Шанчжи, оказался у него в руках: тот, кто считался бездыханным, теперь был осторожно извлечён из повозки, наполовину на руках, наполовину на плечах.

Под взглядами сдавленно ахнувшей толпы, Вэнь Ецай опустился на колени, затаив дыхание, наклонился и протянул руку к лицу юноши, ловя едва заметное движение воздуха.

И — почувствовал. Тёплое, хоть и слабое дыхание коснулось подушечки пальцев.

В следующую секунду Вэнь Ецай с шумным выдохом рухнул рядом, обессиленный, но с облегчением в сердце.

— Слава небесам... Этот молодой лекарь ещё жив!